

10. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3448.
11. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 06.02.2023) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3451.
12. Alexy R. The Construction of Constitutional Rights // Law & Ethics of Human Rights. 2010. Vol. 4, № 1. Pp. 21–32.
13. Celeste E. Digital Constitutionalism: The Role of Internet Bills of Rights. London, New York: Routledge, 2023. xii, 242 p.
14. Cova Fernández E.J. Derechos Humanos y Derechos Digitales en la Sociedad de la Información // Revista DH/ED: derechos humanos y educación. 2022. № 6. Pp. 61–80.
15. Lambert P. The Right to be Forgotten. London; New York; Dublin: Bloomsbury Professional, 2022. xxxvi, 525 p.
16. Perelman Ch. Justice, Law, and Argument: Essays on Moral and Legal Reasoning. Dordrecht; Boston: Reidel, 1980. xiii, 188 p.
17. Suzor N. Digital constitutionalism: Using the rule of law to evaluate the legitimacy of governance by platforms // Social Media and Society. 2018. Vol. 4(3). Pp. 1–11.
18. Vasak K. A 30-year struggle: The sustained efforts to give force of law to the Universal Declaration of Human Rights // The UNESCO Courier: a window open on the world. 1977. Vol. XXX. Iss. 11. Pp. 28–29, 32.

В. С. Кононов,

магистр частного права, аспирант,

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

ТЕОРИЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ОРГАНА ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ

Аннотация. В статье раскрываются закономерности, связанные с системой органов публичной власти, влияние на нее технологических укладов, выделены внутренние связи в системе органов, их влияние на правосубъектность органов публичной власти, раскрыт подход постклассической теории на природу и состав такой правосубъектности, рассматриваются признаки органа публичной власти как субъекта права.

Ключевые слова: закономерность в праве, конструктивизм, мем, орган публичной власти, постклассическая теория права, правосубъектность, правоспособность, субъект права, юридическая воля

THE THEORY OF PUBLIC AUTHORITY LEGAL PERSONALITY: INFLUENCE OF TECHNOLOGICAL INNOVATIONS

Abstract. The article reveals the patterns associated with system of public authorities, the influence of technological structures on it, highlights internal

connections of the system of authorities, their influence on the public organs legal personality, reveals the approach of postclassical theory to the nature and structure of such legal personality, examines the characteristics of a public authority as subject of law.

Keywords: consructivism, legal personality, legal capacity, legal will, meme, postclassical theory of law, public authority, regularity in law, subject of law

Научный подход к изучению государственно-правовых явлений, в том числе и правосубъектности органов публичной власти, связан с выделением закономерного и формированием нового знания, выраженного в понятиях. Закономерность имеет разные дефиниции в гуманитарных науках, общим для определений является использование сформулированных в философии признаков – «относительно устойчивые и регулярные взаимосвязи между явлениями» [15. С. 38]. Правовая закономерность в доктрине формулируется как объективная и систематически повторяемая взаимосвязь фактов и явлений в сфере государства и права, которая является менее «императивной формой», чем закон, и не влечет неизбежных последствий [4. С. 7].

Общие закономерности служат основанием для применения к государственно-правовым явлениям системного подхода. В рамках общей закономерности выделяются единичные связи, которые обладают индивидуальными признаками и могут формироваться случайно. Таковой является связь инновации технологического уклада и выделения новых (или изменения существующих) функций государства, что может приводить к созданию органов или расширению функций действующих органов.

Сущностной (общей) причиной создания в социальной структуре органов государства являются объективные потребности усложняющегося общества, когда рост социальной системы потребовал создания вертикальной структуры [13. С. 85–86]. Подобные тенденции действуют в условиях пятого и шестого технологических укладов.

Со второй половины XX в. формирование информационного общества сопровождается ускоренным преобразованием институциональных основ правопорядка. «Цифровая революция» поставила вопрос об изменении субъектов права и сути правоотношения» [6. С. 19]. В западных странах отмечается усложнение механизма государства, наделение публичными функциями субъектов, традиционно не включаемых в него. Развитие цифровых технологий может привести к революционным изменениям в правовой сфере, связанных с сокращением участия государства в имущественных отношениях как контролирующего органа [30. С. 26]. Складывается несколько моделей государства: виртуального, сетевого, сервисная концепция. Первая из них признается эволюционным изменением торгового государства [42], в нем информация становится ведущим фактором и вытесняет в сфере управления материальные факторы. Однако пока рано говорить о существенном изменении доминирующей роли публичных властных институтов в правовой регламентации экономических отношений [39], поэтому сохраняют актуальность вопросы природы органов публичной власти, их системы и правосубъектности.

В современном обществе органы публичной власти признаны элементами механизма государства при статичном и при динамическом понимании этого понятия. Последний подход описывает органы как элементы функционирующей системы, учитывает совокупность взаимосвязей и взаимодействий между ними. Это позволяет выделять дее- и деликтоспособность органов публичной власти, тогда как в статичном подходе изучается только правоспособность.

Между функциями и задачами государства, организацией системы органов и их правосубъектностью существует закономерная связь. На них оказывают влияние инновации технологического уклада, которое не всегда имеет прогрессивные последствия. Так, в США в середине XIX в. технологическое усовершенствование процесса обработки хлопка-сырца способствовало сохранению рабовладения.

Связь между правом, публичной властью и государством отражена в положении: государство является правовой формой публичной власти. Это отражает правовой характер формирования и деятельности органов государства. Для системы органов публичной власти необходимо выделение элементов (органов) и обеспечение их самостоятельности, для этого используется правосубъектность.

В государственно-правовой сфере можно выделить не только связи жесткой детерминации, имеющие однозначный характер, но и вероятностные (статистические) связи. Первый подход использован в гегелевской концепции государства, в которой организм государства признан объективной субстанциональностью необходимости [5. С. 291], его деятельность реализуется в функционировании властей, разделенных для публичной свободы, но признано, что в их единстве заключен внутренний суверенитет, который раскрывается как осознание государством своей личности [5. С. 320]. Такое построение не охватывает связи, важные для сложноорганизованных, саморазвивающихся систем с органами власти и формирующей их правосубъектность правовой системой.

Более глубокие связи выделены [32. С. 83] между территориальным публичным коллективом, публичной властью и ее органами. Они выражены в положении: осуществление общих дел и реализация общих интересов в социуме возможны только при определенной социальной организации, когда формируется «общая воля» и социальная власть; первая выражается членами социума непосредственно или через создаваемые органы. Публичный и легальный характер власти органов государства обусловлен возникающими в обществе отношениями по поводу потребностей жизнеобеспечения людей [33. С. 26]. Необходимо отметить влияние на эти связи технологических укладов, «технологические новации становятся ведущим фактором глобального общественного развития, создавая предпосылки для утверждения социума нового типа» [9. С. 13].

Изучение правосубъектности органов возможно с позиции понимания взаимодействия явлений как причинно-следственного процесса, где от функции его стороны зависит выделение причины. Необходимость создания органа публичной власти (элемент системы) вызывается выделением функции государства. Орган государства признается европейскими учеными системой властей [38. Р. 64], публичная власть – правовой организацией [37. Р. 173], институтом [37. Р. 174], системой правовых отношений (позиций) между людьми, частью правовой организации общества. В отечественном законодательстве используются термины, отража-

ющие системное понимание публичной власти. В последней выделяются неделимые элементы (органы) и отношения между ними. Применительно к органу единство и неделимость имеют правовую форму – субъект права.

В системе все элементы служат целому, а целое – каждой части, поэтому правосубъектность органа включает возможности осуществления правосубъектности публично-правового образования. Отношения между публичной властью (системой) и ее органами (элементами) образуют структуру, которая отражает единство расчлененности и связанности элементов между собой и с системой через функции. Взаимодействие органов, наделенных правосубъектностью, связано с сущностью – публичной властью, а отношение между ними – с системным характером осуществления этой власти.

Можно выделить в системе сложные взаимосвязи: организованность публичной власти (система) зависит от разнообразия органов, оно влияет на уровень сложности и требует упорядоченности системы. Исключение органов местного самоуправления из системы государственной власти при закреплении единства публичной власти можно рассматривать как усложнение последней – относительное противопоставление ее частей, наблюдаются существенные изменения ее территориальных, организационных и компетенционных основ [14. С. 21]. Проведение административных реформ в европейских странах и России проявило тенденции развития публичной власти: усиление ее сложности, расширение видов связей между органами и ослабление упорядоченности системы [20. С. 14]. При этом обнаружилась потребность в механизме внедрения новых технологий, имеющих инновационный характер [1. С. VII].

Основой единообразия связей между органами и упорядоченности системы публичной власти можно считать правосубъектность ее органов. Наделение их функциями обеспечивает организованность системы. Органы публичной власти, используя правосубъектность, связаны с системой функционированием. Упорядочение функционирования элементов системы органов происходит с помощью целей и программ, но эта закономерность не всегда учитывается применительно к органам и не используется весь потенциал правосубъектности.

В отношениях между системой и ее элементом выделяют регуляционную и управляемую подсистемы, орган регуляции с функцией сохранения системы. Атрибутом первой является упорядоченность, второй – организованность. Отличительным признаком регуляционного отношения является подчинение, оно обеспечивает сохранение системы. Управление выделяется в рамках отношения «орган управления – элемент системы», для него также необходимо подчинение элемента системы органу регуляции. Подчиненность органов публичной власти имеет первостепенное значение, поскольку оно необходимо для сохранения публичной власти, а отсутствие их подчиненности исключает управляемость системы в целом. Информационные технологии позволяют повысить эффективность контроля за деятельностью органов с целью обеспечить их подчиненность.

При использовании системного подхода можно выделить сущностные характеристики органа публичной власти: он, являясь субъектной формой публичной власти, реализует ее, находясь в «вертикальных» и «горизонтальных» отношениях с другими органами, для чего использует правосубъектность.

Кроме приведенных внутренних связей и закономерностей системы органов, можно выделить закономерности в рамках внешних связей. Ряд внешних факторов обуславливают формирование правосубъектности органа публичной власти. Для их изучения важен принцип междисциплинарных исследований. Концептуальная модель, описывающая зависимость государственно-правового развития, эволюции политико-правовых явлений от технологического фактора, была предложена М. В. Залоило; на ее основе реализуется исследовательская программа изучения закономерностей правового регулирования в целом и динамики правовых норм под влиянием технологических укладов [16, 17]. Полагаем, что частью такой программы может стать изучение закономерностей правосубъектности органов публичной власти. Влияние на нее технологических укладов подтверждается исторически. В период первого технологического уклада (вторая половина XVIII в. – 1880 г.) в России произошла трансформация модели формирования органов государства. Становление технологического уклада вызвало изменение представлений о роли государства, менялись функции его органов, их положение в системе власти. Во втором технологическом укладе (доминировал в середине XIX в.) инновации в технологиях и новые способы осуществления экономической деятельности, проведение реформ привели к изменению модели участия государства в общественных отношениях и системы органов государства. В третьем технологическом укладе (преобладал с 80-х годов XIX в. и до 40-х годов XX в.) при возрастании роли крупных предприятий наблюдались противоречивые тенденции в формировании разных моделей участия государства в социально-экономических отношениях. В доктрине началось формирование конструкта правосубъектности органа государства, конструкции права органов государства на публичное имущество, что повлияло на содержание их правосубъектности. В четвертом укладе (1930–1990 гг.) расширилось участие государства в научной и промышленной сферах. В доктрине завершилась разработка элементов конструкта правосубъектности, они были применены к органам государства. В пятом технологическом укладе (1970–2020 гг.) происходит существенное изменение модели участия государства в отношениях. Можно отметить противоположные тенденции: с одной стороны, объективная обусловленность интеграционных процессов государств (для развития инноваций необходим определенный объем рынка, т. е. население, промышленность и т. д.), с другой – защита каждым государством своего суверенитета, в том числе экономического и технологического. Учеными был поставлен вопрос о разработке модели правового регулирования инновационной деятельности [21]. Шестой технологический уклад только формируется, прогнозируются инновации – использование гибких автоматизированных систем, информационных технологий, которые рассматриваются как ядро уклада. Цифровизация влияет на государственно-правовую сферу [29. С. 87], актуальность приобретают обеспечение суверенного права государств на регулирование информационного пространства, расширение диспозитивного правового регулирования, что влияет на правосубъектность органов публичной власти.

При изучении правосубъектности органа публичной власти с учетом влияния инноваций важно применение положений постклассической теории права о многомерности права, сконструированности правовой реальности, релятивизме и неопределенности [31. С. 105], принципа антропоцентризма [7. С. 8–10], а также

требований постнеклассической научной рациональности: междисциплинарный характер исследования, отрицание жесткого детерминизма при изучении явлений и др. [16. С. 12] Для анализа развития правосубъектности важен принцип конструктивизма, обосновывающий, что правовая реальность не задается изначально, а имеет сконструированный характер. Государственно-правовые явления формируются в деятельности людей, которые воспроизводят государство и его органы, формируют их правосубъектность.

Взаимосвязи технологического уклада и правосубъектности имеют сложный характер. Изменения системы права необходимы для технологических инноваций, так как при реализации нормы права действиями людей формируется основа технологического уклада. Поэтому правосубъектность органов публичной власти оказывает влияние на развитие (способствует или ограничивает) последнего.

Таким образом, можно выделить ряд закономерностей, связанных с технологическими укладами: под влиянием технологических инноваций и других факторов (социальных, идеологических, культурных и др.) происходит глобальная трансформация общества и государства, меняются механизм правового регулирования, функции и правосубъектность органов государства; технологизация формирует новый тип мышления и восприятие правовой реальности, а также влечет радикальные изменения в основаниях науки и в понимании правосубъектности.

Приведенные закономерности не исключают необходимости для создания конструкции правосубъектности органа публичной власти теоретической разработки учеными составляющих ее понятий. Признание органа публичной власти субъектом права является принципиальным положением для теории правосубъектности.

Понятия «субъект права» и «орган государства» изучаются в науке на протяжении нескольких столетий, они включены в источники права на текстуально-нормативном уровне, а в доктрине являются понятиями общей теории и отраслей права.

В Новое время правовое осмысление стороны правовых отношений в доктрине происходило под влиянием философских идей. Р. Декарт выделил две субстанции: вещь протяженная (*res extensa*) и вещь мыслящая (*res cogitans*). Вторая из них определялась как «субъект» – субстрат, который не поддается изменению. Концепция противопоставления в сфере сущего субъекта и объекта заложила традицию их дихотомии и выделение сущностного признака субъекта, проявляющегося в социальной сфере, – возможность изменения внешних условий. Революционным для юриспруденции стало предложение Г. Лейбница использовать понятие «субъект права» (*subjectum juris*) в современном его понимании – как обладателя прав и обязанностей [40. С. 51]. Произошло заимствование для правовой сферы философских представлений о субъекте без определения сущности и признаков этого понятия.

На направления его философского осмысления повлияли идеи И. Канта [11. С. 13]. И. Фихте писал, что субъект должен полагать себя как свободно действующее существо [27. С. 36], он порождает себя в акте свободы и допускает другие существа, только полагая себя состоящим с ними в отношении. Продолжая это направление, Г. Гегель отметил, что право вносит определенность и ограничивает свободу. Это происходит при взаимном признании индивидами друг друга в качестве равных субъектов свободы. Человек становится субъектом, будучи свободным, поэтому личность подразумевает правоспособность [5. С. 98], которая

составляет абстрактную основу формального права. Равная правоспособность лиц следует из равного абстрактно-всеобщего права.

Разработка философией понятия «субъект» не завершена, формируется концепция субъектности, в ней к сущностным признакам субъекта добавляются характеристики самосознания, транспарентности, причинности и автономности. Субъект представляют не как статичную, а как динамическую характеристику, поэтому выделяют этапы его становления: бытие-в-себе, бытие-для-себя, бытие-в-мире. Применительно к органам публичной власти эти этапы остаются неразработанными в доктрине.

Феноменология отказалась от субстанциональности субъекта, а в аналитической философии была отвергнута его феноменальная реальность. Субъект стал сводиться к языковым формам: язык конструирует субъект и феномены субъективности. С этих позиций проблема соотношения государства и его органов является продуктом субстанционального понимания субъекта и свидетельством его ограниченности. Подобная проблема отсутствует в постмодернизме, рассматривающем социум как гипертекст, а субъект – как его точку. Субъект описывается как попадание явления в определенную структуру, он опознается постфактум, поэтому отрицаются его изначальные признаки. Неклассическая философия сводит субъект к смысловой структуре и исключает его фактичность. Таким образом, развитие философского понятия «субъект» пришло к признанию невозможности его достоверного определения. Однако современные западные ученые возвращаются к положениям немецкой классической философии о том, что субъекты права – это индивиды, достигающие в процессе коммуникации нравственного признания друг друга [28. С. 30].

Философские идеи через доктрину влияют на право, размыывают конструкт субъекта (к нему отнесли природу и т. д.), в современной европейской доктрине предложено понятие неличностной субъектности [22].

В рамках господствующей классической теории права не сложилось единство взглядов по вопросам состава правосубъектности органа публичной власти, соотношения с компетенцией и полномочиями. Общим для подходов доктрины к сущности понятия «субъект права» является влияние используемой учеными методологии.

В рамках сущностного подхода и нормативно-этического понимания субъект права раскрывается как носитель прав и обязанностей. Такая способность отнесена к свойству, предусмотренному нормой права. Данные положения показывают, что используется конструкция «носителя», которая заимствована из философии: субстанция обладает свойствами. Свойствами субъекта права являются волевая сфера и интересы, свобода воли отнесена к социальной предпосылке правосубъектности:

1) для этого используются наименование, а также дополнительные атрибуты. В публично-правовой сфере используются органы государства, для которых предусмотрена обособленная деятельность их частей, признаваемых субъектами права (Федеральное Собрание и др.);

2) обладание юридической волей, способностью вырабатывать и выражать ее, быть ее носителем. Свободу волеизъявления, основанную на автономии воли,

относят к основному признаку субъекта права, но такой подход не учитывает системные связи между органами публичной власти, наличие у них правовой обязанности осуществлять свои полномочия и права. Воля формируется во взаимодействии органов публичной власти [24], для них важно осуществление общей (публичной) воли, сложность образования которой можно обнаружить, например, при правотворчестве, когда согласованная воля общества отчуждается от него и становится государственной. Выделение воли как признака субъекта можно отнести к влиянию религиозной догматики. Конструкция юридической воли разрабатывалась с учетом способности субъекта определять свое поведение [34. Р. 7] и ориентирована на человека. Теория воли была связана с понятием права, в начале XIX в. оно описывалось как правовое состояние, принадлежность лицу власти – господство его воли. В доктрине преобладает взгляд о наличии воли исключительно у человека, происходит ее отождествление с юридической волей, хотя признается важность их разграничения. Юридическая воля сохраняет психические характеристики: способность делать выбор, принимать и осуществлять решение. Однако ученые отмечают, что ее роль в регулировании такого поведения переоценена. Понимание воли как способности сознания направлять поведение человека подвергается критике, так как не доказан исследованиями источник такой способности, отрицается за волей роль сверхрегулятора поведения, поскольку она сама есть потребность преодоления препятствий. Человек верит, что самостоятельно управляет волей, «работа» воли ограничена умственными действиями – ее проявлениями (willing), но не воля определяет, какое решение получит первое место [44. Рр. 62, 141, 145]. В современной англо-американской философии утверждается, что контроль над действиями человека не связан с волей, но одно из значений этого понятия – способность принимать решение [41. С. 5]. Отождествление воли с психическим процессом основано на психологической концепции «воля – это желание», соотношенное с выбором поведения. Такая концепция – вторичная, она заимствована из философии [36. С. 1] и политических доктрин [43. С. 76–77]. Это производное понятие затруднительно применять к иерархически сложной системе. Произвольность не является сущностной чертой воли. Затруднительно говорить и о свободе выбора, так как государство ограничивает активность субъектов права нормами законодательства, угрозой применения легального насилия, использует манипуляции [35. Р. 60]. Правовая воля не является «юридическим слепком» психической воли. В нормативной системе выделяется общее, учитываются, но не регулируются психические процессы. Правовое содержание воли составляет только типичное, в норме права оно выражено как абстрактное и обобщенное. Учеными признается, что социальная воля может стать правовой, если имеется нормативное отражение ее в позитивном праве [2. С. 52], которое сводится к закреплению в норме права типичных стремлений. Последнее рассматривают как существенную характеристику юридической воли органа публичной власти. Орган обладает сферой усмотрения (дискреция полномочий) и определенной свободой при принятии решения, так как публичная власть имеет социальную природу и регулятивный характер [23. С. 20]. С учетом приведенных доводов полагаем возможным использовать юридические характеристики воли органа публичной власти: в ней отражено объективное, типичное и нормативное. Для органа

государства важно ее проявление – в правовом решении, порядок принятия которого определен нормативно;

3) наличие интереса. Специфика его формирования у органа публичной власти отражена в норме об определении объема полномочий органов публичной власти с учетом интересов населения [25];

4) взаимодействие с иными субъектами права, при котором орган отличает себя от других лиц;

5) способность принимать решения, осуществлять их, быть участником социальных отношений, участвовать в правотворчестве и правоприменении, применять власть, осуществлять сохранение своей правовой личности;

6) наличие правосубъектности (формальная связь с правопорядком);

7) выделение «активных элементов в правосознании». Правовое сознание отнесено в доктрине к родовому признаку субъекта права. У органа публичной власти (в отличие от индивида) данный признак имеет особенности – он связан с коллективом людей;

8) признание ценностью. Зарубежная доктрина выделила этот аспект для защиты и охраны субъекта права. Наделение органа публичной власти правами означает признание его ценностью, но у органа права и обязанности связаны, а органы выступают средством достижения публичных целей.

При догматическом подходе орган публичной власти – субъект конкретной отрасли права. В доктрине нет общепризнанного определения органа публичной власти как вида субъекта права, наблюдается отказ от отнесения его к самостоятельному виду. В отечественном законодательстве к органу применяется понятие «юридическое лицо». Публично-правовое образование формирует юридическую личность своих органов, определяет организационно-правовую форму, внутреннюю структуру, закрепляет их компетенцию, функции и т. д. Создается конструкция, которая способна вырабатывать и выражать публичную волю, осуществлять властные полномочия [17, 26].

Свойства правосубъектности определены политическим сувереном в нормативной системе, поэтому большинство ученых характеризует существо правосубъектности как длящуюся связь с государством – право общего типа. В этом подходе можно выделить внутренние противоречия. Полагаем, что наличие связи органа с государством обусловлено свойством системы органов.

В доктрине отсутствует единство в решении вопросе о признаках понятия правосубъектности органа публичной власти. Выделенные отдельными авторами признаки [3. С. 44] отражают сущностную связь с функциями органов и отношениями собственности [17. С. 33].

Многоаспектность понятия правосубъектности важно учитывать, так как редуцирование его содержания к одному из них приводит к выделению отдельной стороны сложного явления. Постклассическая теория права предложила рассматривать понятия как искусственный конструкт – форму без социального содержания. Это позволяет не противопоставлять подходы ученых друг другу. Различные подходы в доктрине можно рассматривать как создание определенной правовой конструкции. Возможность больше относится к характеристике деятельности субъекта права, способность и качество – к внутренним свойствам, которые проявляются в отношениях с другими субъектами.

Перечисленные выше правовые формы применяются для определения состава всех видов правосубъектности.

В финансовом и налоговом праве ученые отметили в качестве предпосылки правосубъектности других отраслей права. Однако в большинстве случаев в отраслевых правосубъектностях редко рассматривают дополнительные (отличительные) признаки, что создает представление о тождественности сущности у всех видов. Единообразие свидетельствует о неразработанности понятий в отраслевых юридических науках. Для объяснения причин описанной ситуации можно предложить использовать новое междисциплинарное направление – меме-тики [8. С. 32–56]: состав общей правосубъектности является общепризнанным для всех отраслей права, так как он приобрел черты информационного паттерна, в котором генерализуется информация о правосубъектности, она передается в силу признания ее простоты, авторитетности, полезности и согласованности с имеющимися знаниями.

Черты «мема» приобрело представление о том, что у органов публичной власти право- и дееспособность не разграничиваются. Однако при рассмотрении состава правосубъектности с позиции динамического подхода право- и дееспособность разграничиваются как разные этапы развития связи с правопорядком [2. С. 131]. Правоспособность – первая стадия, она абстрактна и определяет возможности возникновения определенных правоотношений и правовые функции лица. На этой стадии нет оформленной воли, отсутствует готовность выполнять правовую функцию и быть субъектом, особенности органа публичной власти как субъекта права не проявляются вовне. Второй стадией (переходом от абстрактного к действительному) является дееспособность, когда правовая форма наполняется содержанием, происходят качественные изменения: абстрактный субъект права (как возможность) становится лицом (правовая действительность). Орган публичной власти выражает свою волю и правовые притязания (первый этап единичной воли), здесь проявляются его свойства и качества. Этой воле придается обязательный характер (второй этап); право обязывает считаться с ней. Единичная воля получает возможность выступать как целое, происходит ее самоопределение (третий этап). Изложенный подход близок к конструкции зарубежной доктрины о том, что из дееспособности выводится правоспособность. Динамический подход делает необходимым выделение в правосубъектности органа публичной власти право- и дееспособности.

Утверждение, что дееспособность органа государства возникает одновременно с его правоспособностью, не отражает правового положения отдельных органов (монарха, в отношении коллективных органов ученые указывают на зависимость возникновения и прекращения дееспособности органа от «фактического состояния лиц», которые выступают от имени органа публичной власти, или от их наличия [12. С. 17]). В доктрине высказываются суждения о возможном ограничении дееспособности органа публичной власти [18. С. 54–62].

В науке обосновывается подход, что для создания доктрины юридического лица публичного права необходимо разработать общеправовую конструкцию юридического лица. Можно предложить гипотезу, что реализация этой задачи связана с мемом: происходит генерализация конструкции частного права об организационно-правовой форме юридического лица и распространение ее на субъекты

публичного права. Такой подход не может быть использован для раскрытия правосубъектности органа публичной власти.

Изучение правосубъектности юридического лица публичного права по праву Испании, Франции, Германии показывает, что она не тождественна правосубъектности органа публичной власти, она отражает ее особенности у некоторых органов (осуществление публичной власти, обладание компетенцией и др., а способность участия в имущественных отношениях рассматривается как причина отнесения их к юридическим лицам).

Приведенное исследование позволяет сделать ряд выводов. Правосубъектность остается важнейшим понятием для характеристики органа публичной власти. Наделение ею вызвано закономерностями системы органов. Технологические уклады влияют на правовое регулирование их правосубъектности: технологические инновации детерминируют (вместе с другими факторами – социальными, идеологическими, культурными и др.) глобальную трансформацию государства и системы права, так как изменение общественных отношений меняет механизм их правовой регламентации, а новые подходы к определению правосубъектности вызваны радикальными изменениями в основаниях науки, происходящими под влиянием технологизации, которая формирует новый тип мышления и восприятия правовой реальности.

Можно предложить следующую модель влияния технологических укладов на правосубъектность органов публичной власти: возникновение под воздействием инноваций новых общественных отношений, выделение и осмысление в правосознании подходов к их регулированию, создание модели государства и его органов, определение участия их в общественных отношениях и их функций, на основании которых формируется содержание их правосубъектности, осуществление и воспроизводство новой модели в общественной практике. Смена технологических укладов приводит к изменению установок и ценностей людей, их правового поведения и тем самым оказывает воздействие на содержание правосубъектности органов публичной власти.

Список литературы

1. Административная реформа в субъектах Российской Федерации / под ред. С. Е. Нарышкина, Т. Я. Хабриевой. М.: Контракт: ИЗиСП, 2008. 333 с.
2. Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 469 с.
3. Венедиктов А. В. Органы управления государственной социалистической собственностью // Советское государство и право. 1940. № 5–6. С. 24–51.
4. Ветютнев Ю. Ю. Государственно-правовые закономерности: вопросы теории и методологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 28 с.
5. Гегель Г. Философия права. М: Мысль, 1990. 524 с.
6. Дорская А. А. Проблемы цифровизации правовой сферы: основные направления исследований // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. 213 с.

7. Дорская А. А., Честнов И. Л. Эволюция системы права России: теоретический и историко-правовой подходы: монография. СПб.: Астерион, 2010. 304 с.
8. Залоило М. В. Концепция мема (меметика) и первичные механизмы социокультурной эволюции права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17, № 3 С. 32–56.
9. Залоило М. В. Правовая меметика в исследовании правоприменения // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 11. С. 19–32.
10. Залоило М. В. Российское государство перед вызовом новой технологической реальности // «Черные дыры» в российском законодательстве. Юридический журнал. 2023. № 2. С. 13–15.
11. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1964. 478 с.
12. Лексин И. В. Конституционно-правовые проблемы территориального устройства современного государства (особенности России и зарубежный опыт): авторефер. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 55 с.
13. Любашиц В. Я. Эволюция государства как политико-правового института: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов-н/Д., 2005. 302 с.
14. Муниципальная реформа в Российской Федерации: правовое и экономическое исследование / под общ. ред. Т. Я. Хабриевой. М.: Эксмо, 2010.
15. Новая философская энциклопедия / рук. проекта В. С. Степин, Г. Ю. Семигин: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2010. 416 с.
16. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М.: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021. 184 с.
17. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. М.: ИЗиСП: НОРМА: ИНФРА-М, 2024. 184 с.
18. Пашенцев Д. А. Правосубъектность в современной теории права / Д. А. Пашенцев // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным чтениям памяти профессора С. Н. Братуся / ред. совет А. В. Габов и др. М.: Статут, 2017. С. 29–35 с.
19. Петров М. П. Совершенствование методов административно-правового регулирования инновационной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 10. С. 54–62.
20. Постников А. Е., Бондарь Н. С., Помазанский А. Е. и др. Реформа организации публичной власти: основные направления реализации: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 200 с.
21. Право и инновационная деятельность / отв. ред. В. А. Садовничий; под ред. Т. Я. Хабриевой. М.: Нестор-История, 2011. 431 с.
22. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р // СПС «КонсультантПлюс».
23. Тихомиров Ю. А. Управленческое решение. М.: Наука, 1972. 288 с.
24. Указ Президента РФ от 11.07.2004 № 865 // СПС «КонсультантПлюс».
25. Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

26. Федеральный закон Швейцарии о международном частном праве. URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/042901>
27. Фихте И. Основы естественного права согласно принципам наукоучения. М.: КАНОН, 2014. 391 с.
28. Хабермас Ю. Вовлечение другого. СПб.: Наука, 2001. 417 с.
29. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. С. 87.
30. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. Д. А. Пашенцева. М.: ИЗиСП: ИНФРА-М, 2019. 234 с.
31. Честнов И. Л. Постклассическая теория права: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 649 с.
32. Чиркин В. Е. Публично-правовое образование. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 335 с.
33. Чиркин В. Е. Система государственного и муниципального управления: учебник. М.: Юрист, 2005. 379 с.
34. Balaguer M. Free Will. L.: The MIT Press, 2014. 139 p.
35. Bonanno A. The Legitimation Crisis of Neoliberalism. The State, Will-Formation, and Resistance. N.Y.: Palgrave, Macmillan, 2017. 254 p.
36. Dihle A. Theory of Will in Classical Antiquity. L.: University of California Press, 1982. 285 p.
37. Frandberg A. From Rechtsstaat to Universal Law-State. An Essay in Philosophical Jurisprudence. Law and Philosophy Library. L.: Springer, 2014. Vol. 109. 190 p.
38. Frandberg A. Legal Order. Studies in the Foundations of Juridical Thinking. Law and Philosophy Library. L.: Springer, 2018. Vol. 123. 333 p.
39. Krasner S.D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton: Princeton University Press, 1999. 280 p.
40. Leibniz G.W. The New Method of Learning and Teaching of Jurisprudence According to the Principles of Didactic Art Premised in the General Part and in the Light of Experience / trans. Massimo de Iuliis G. New Jersey: Talbot Publishing, 2017. 306 p.
41. Pink T. Free Will: A Very Short Introduction. N.Y.: Oxford University Press, 2004. 132 p.
42. Rosecrance R. The Rise of the Virtual State: the Wealth and Power in Coming Century. N.Y.: Basic, 1999. 288 p.
43. The Concept of Will in Classical German Philosophy. Between Ethics, Politics, and Metaphysics / ed. by M. Kisner, J. Noller. Berlin, 2020. 272 p.
44. Vihvelin K. Causes, Laws, and Free Will: Why Determinism doesn't Matter. N.Y.: Oxford University Press, 2013. 296 p.